

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

УДК 811.161.1'27:81'28:316.7(510)

Научная статья / Research article

Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в.

Е.А. Оглезнева¹, О.В. Пустовалов^{2*}¹Томский государственный архитектурно-строительный университет
634003, Российская Федерация, Томск, Соляная площадь, 2²Национальный исследовательский Томский политехнический университет
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 30

*pustovalowol@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особой формы существования языка — языка, функционирующего вне метрополии — в зарубежье. Исследование носит лингвоперсоналогический характер: путем анализа языковых компетенций и специфики родного языка представителей зарубежной диаспоры выявляются факторы, обуславливающие его сохранность в речи нескольких поколений эмигрантов. Цель статьи — создание речевого портрета представителя восточной эмиграции — потомка русских эмигрантов в Китай, а именно в китайское Трехречье, для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на данной территории. Объект речевого портретирования — языковая личность потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., в настоящее время жительницы города Лабудалинь городского уезда Аргунь автономного района Внутренняя Монголия в Китае. Научная новизна исследования заключается в предпринятом впервые анализе фрагмента русской языковой действительности в одном из мест русского расселения в XX в. — в китайском Трехречье, а также во введении в научный оборот уникального материала — записей устной речи представителя потомков русских в Трехречье, осуществленных во время научных экспедиций в Китай в 2017 и 2018 гг. Изучение русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье — в Трехречье, является вкладом в лингвистическую эмигрантологию, что обуславливает актуальность исследования. Актуальность работы связана и с выявлением факторов сохранности русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на протяжении нескольких поколений. Авторы анализируют речь представителя потомков русских переселенцев в китайское Трехречье на всех уровнях языковой системы, выявляют факты фонетической, грамматической и лексической интерференции в русской речи под влиянием китайского языка, а также сохранившиеся в ней диалектные особенности и приходят к выводу о высокой сохранности русского языка в третьем поколении переселенцев из России в Китай, называя социолингвистические факторы этой сохранности: семейный, образовательный, профессиональный, психологический.

Ключевые слова: язык зарубежья, лингвистическая эмигрантология, русский язык в Китае, языковая личность, речевой портрет, диалектная форма языка, билингвизм, интерференция

© Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В. Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 359—373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

UDK 811.161.1'27:81'28:316.7(510)

Social and Speech Portrait of a Descendant of Russian Immigrants to the Chinese Three Rivers Region in the XX Century

Elena A. Oglezneva¹, Oleg V. Pustovalov^{2*}

¹Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering
2, Solanaya square, Tomsk, Russian Federation, 634003

²National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin Avenue, Tomsk, Russian Federation, 634050

* Corresponding author: pustovalowol@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of a language functioning in foreign countries, outside its metropolis. This is a special form of language existence. The study is made in linguistic personology aspect: the factors of preservation of the native language in the speech of several generations of emigrants are identified by the means of analyzing the language competencies and the specifics of the native language of representatives of the foreign diaspora. The purpose of this article is to create the speech portrait of the representative of the East emigration, the descendants of Russian emigrants in China, the Chinese Three Rivers region, to identify the characteristics of preservation of the Russian language in conditions of the Russian-Chinese bilingualism in this area. The object of the speech portraiting was the linguistic personality of a descendant of Russian immigrants to China in the beginning of the 20th century, currently a resident of the city of Labudalin, Argun city district of the Inner Mongolia Autonomous region in China. Scientific novelty of the research consists in undertaking for the first time the analysis of a fragment of the Russian linguistic reality in one of the places of the Russian diaspora in the 20th century, in the Chinese Three Rivers region, and in the introduction record of oral speech of the representative of the descendants of Russian in Three Rivers Region, carried out during the scientific expeditions to China in 2017 and 2018, that makes a unique material. The study of the Russian language in foreign countries, namely in the Eastern abroad, in the Three Rivers region, is a contribution to linguistic emigrantology, which determines the relevance of the study. The authors analyze the speech of a representative of the descendants of Russian settlers in the Chinese Three Rivers Region at all levels of the language system, reveal the facts of phonetical, grammatical and lexical interference in Russian speech under the influence of the Chinese language, as well as the dialectal features preserved in it, and come to the conclusion that Russian language is highly preserved even in the third generation of immigrants from Russia to China and the authors name the sociolinguistic factors of this preservation: family, educational, professional, psychological, etc.

Key words: language abroad, linguistic emigrantology, Russian language in China, language personality, speech portrait, dialect form of language, bilingualism, interference

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Oglezneva, E.A. & Pustovalov O.V. (2021). Social and Speech Portrait of a Descendant of Russian Immigrants to the Chinese Three Rivers Region in the XX Century. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 359—373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

Введение

Русский язык зарубежья как особый феномен начал исследоваться в конце XX в., когда эмиграция из России стала открытой темой для отечественной науки и к ее изучению приступили историки, философы, литературоведы, лингвисты. Одним из первых российских языковедов, обративших внимание на феномен существования русского языка в зарубежье, стал Юрий Николаевич Караулов [1; 2]. Еще в 1991 г., отвечая на вопрос «Что такое русский язык?», он назвал восемь его разновидностей, которые можно считать формами существования русского языка, или сферами его бытования. Среди них как традиционно выделяемые, так и новые формы существования русского языка, в том числе — язык русской эмиграции. «Конечно, язык наших эмигрантов эпохи перестройки как будто ничем не отличается от современного языка метрополии, и все же здесь намечаются некоторые особенности, связанные прежде всего с новыми условиями актуализации русской речи за рубежом. Я уже не говорю о языке первой и второй (послевоенной) эмиграции, который архивировал и консервировал своеобразные черты того и другого периода в его эволюции, черты, многие из которых на исконной русской почве ушли в небытие» [1. С. 7—8]. Это было по сути революционное заявление, послужившее основанием для рефлексии как по поводу состава форм существования современного русского языка, так и их качественных характеристик.

Позднее появились исследования, касающиеся изучения русского языка в зарубежье, сначала — на материале западного зарубежья [3; 4], затем — на материале восточного [5]. Исследования русского языка в зарубежье объединяло то, что в их центре оказывалась языковая личность, обобщенная или персонифицированная, условия формирования и языковые компетенции которой были обусловлены социальными и собственно лингвистическими факторами и зависели от волны и поколения эмиграции, и вместе с тем обладали собственной спецификой по причине существования вне метрополии. Идея о русском языке зарубежья как особой форме существования русского национального языка нашла свое воплощение при изучении русского языка восточной ветви русского зарубежья, на материале которого оказалось возможным доказать правомочность карауловской идеи [5. С. 10—14; 6. С. 14—18].

Кроме того, сложившаяся к 90-м гг. XX в. в отечественной лингвистике во многом под влиянием работ Ю.Н. Караулова теория языковой личности [7]

оказалась перспективной для изучения русского языка в зарубежье, воплотившись в серию речевых портретов представителей западной и восточной ветвей русской эмиграции [5; 8; 9; 10—12].

Для анализа языковой личности используются различные методы, одним из наиболее эффективных является социально-речевое портретирование. Используя этот метод, можно создать комплексный речевой портрет языковой личности, выделив ее основные особенности на разных уровнях языковой системы на фоне формирующих ее социальных факторов. Созданием речевых портретов занимались такие ученые, как Т.Г. Винокур [13], Т.И. Ерофеева [14], Е.А. Земская [8; 9; 15], М.В. Китайгородская [16], Н.Н. Розанова [16], Л.П. Крысин [17] и др.

Цель настоящей статьи — создание речевого портрета представителя восточной эмиграции — потомка русских эмигрантов в Китай, а именно в китайское Трехречье, в XX в. для выявления особенностей сохранения русского языка в условиях русско-китайского билингвизма на данной территории.

Как известно, в Китае было несколько мест сосредоточения беженцев из России в XX в. Одно из них — так называемое Трехречье, граничащее с Забайкальем.

Трехречье, (кит. 三河区, Sānhéqū, Саньхэцзюй) или Саньхэ (кит.), стало одним из мест активного переселения русских из России, а именно из Забайкалья, в послереволюционный период — в 20-30-е гг. XX в. Район Трехречья назван так по своему расположению в бассейне трех рек — Ган, Дербул и Хаул, правых притоков Аргуни, где к середине 20-х гг. XX в. было более 20 русских поселений [18. С. 224; 19. С. 36]. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои станицы: «Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях. Так сошелся в Маньчжурии, за рубежом, этот живой осколок кондовой, казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [20].

Объектом речевого портретирования в статье выступила языковая личность Ирины Николаевны Громовой — потомка русских переселенцев в Китай в начале XX в., жительницы города Лабудалинь¹, расположенного в Трехречье.

Изучение русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье — в Трехречье, является вкладом в лингвистическую эмигрантологию, что обуславливает **актуальность** исследования. Кроме того, актуальной работу делает и выявление факторов сохранности русского языка в условиях билингвизма, в частности русско-китайского билингвизма, на протяжении нескольких поколений.

¹ Лабудалинь — новое название населенного пункта. В источниках встречается старое название Лабдарин.

Научная новизна исследования заключается в предпринятом впервые анализе языка русского восточного зарубежья в одном из мест русского рассеяния в XX в. — в китайском Трехречье, а также во введении в научный оборот уникального материала — записей устной речи представителя потомков русских в китайском Трехречье и предпринятом опыте его речевого портретирования.

Записи устной речи потомков русских в Трехречье были осуществлены во время научных экспедиций в Китай в 2017 и 2018 гг. с их добровольного согласия в неофициальной домашней обстановке. Наши информанты охотно шли на контакт, были рады встрече с русскими из России, интересующимися их жизнью, бытом, историей возникновения русской диаспоры в Трехречье, а также возможности послушать русскую речь и самим поговорить по-русски. Далеко не все из опрошенных нами представителей потомков русских в Трехречье могли свободно говорить на русском языке; некоторые обнаруживали понимание русской речи, но в то же время были не способны вступать в беседу на русском. Ирина Николаевна относится к числу тех, кто свободно говорит по-русски, владея не только устной, но и письменной формой русской речи.

Социально-речевое портретирование И.Н. Громовой — потомка русских переселенцев в Трехречье

Языковые компетенция И.Н. Громовой и членов ее семьи

Языковую компетенцию Ирины Николаевны составляют два языка: китайский и русский, оба используются ею в письменной и устной форме. Основным языком является китайский, на котором она говорит во всех ситуациях официального и неофициального общения; русский используется ситуативно — с русскоговорящими представителями диаспоры и с приезжающими в Трехречье русскими.

Ирина Николаевна является неординарной языковой личностью, чем и привлекла наше внимание. Ее личность вызывает интерес не только у лингвистов, но и у историков и литературоведов [21. С. 60—62, 266—305; 22. С. 231—239].

Ирина Николаевна (китайское имя Ван Сючжи 王秀枝 Wáng Xiùzhī), родилась в 1942 г. в Китае, в поселке Галдучи: // *Моя мама была в поселке Галдучи // Не знаю доезжали / нет? <...> Шивей / напротив Олочи / она по Аргунь // Олочи / тут Шивей // От Шивей потом вбок была поселок Галдучи / вот японцы доезжали до туда //*

Волость Шивэй (室韦乡 Shìwéixiāng, Шивэйсян) объединена с другой национальной волостью — Эньхэ-Русской волостью (恩和俄罗斯族民族乡 Ēnhé Éluósī zú mínzú xiāng², Эньхээлосыщзуминьцзусян) [23], а село Шивэй —

² Все слова на китайском языке даются в пиньине — системе транскрипции китайского языка.

центр волости, расположено напротив российского села Олочи Нерчинско-Заводского района Забайкальского края. В начале XX в. российско-китайская граница была открыта: жители обеих стран могли беспрепятственно перемещаться из России в Китай и в обратном направлении [24. С. 42].

Мать И.Н. — Надежда Ивановна Громова (в девичестве Меновщикова), 1918 г.р., родилась в смешанном браке от русской матери и отца-китайца.

Бабушка по матери — Анна Меновщикова, русская, была из состоятельной семьи, владела русской грамотой, учила дочь, Н.И., русскому языку.

Дед по матери — китаец из провинции Хэбэй.

Отец И.Н. — кореец, она называет его «*коренной отец*», т.е. биологический, противопоставляя таким образом отчиму, которого будет называть «*родной отец*». Родной отец И.Н. служил офицером Японской армии³, при отступлении японцев ушел вместе с ними: *Их / как знали / японцев / и он побежал с японцами / так и убежал //*.

Отчим И.Н., «родной отец», — метис, рожден от русской матери и отца-китайца. Имел китайское имя Ван Цзя и русское имя — Николай Иванович Громов. Первым и основным языком Николая Ивановича был китайский; русским языком владел только в устной форме. Николай Иванович служил переводчиком в пограничных войсках Красной армии, затем ему было разрешено работать в Забайкалье: *Поставили его проводить провода // Первые провода в Читинской области / Нерзаводский район / вот по всему району проводили провода //*.

Бабушка по отчиму — Мария Громова, русская, «из бедного дома». Ее фамилию носил отчим и сама И.Н.: *Вот мы теперь все Громовы // По-бабушке //*.

Дед по отчиму — Ван Хундзи, китаец из провинции Шаньдун.

И.Н. отмечала, что отчим говорил со своей матерью по-русски, следовательно, материнским, а возможно, и домашним языком⁴ в семье родителей отчима был русский язык, несмотря на то, что их брак был смешанным и проживали они на территории Китая.

Таким образом, бабушка И.Н. по матери, русская, и бабушка И.Н. по отчиму, русская, представляли первое поколение переселенцев из России; мать И.Н. и ее отчим, полукровцы, — второе поколение, а сама И.Н. относится к третьему поколению.

Муж И.Н. — Леонид Иванович Якимов, 1941 г.р., метис во втором поколении. Его мать — Улита Артемьевна Якимова — русская, отец — китаец из провинции Хэбэй.

Домашним языком в семье И.Н. был русский: она рассказывала, что с мужем говорили по-русски, «*когда не помнили — смесь*».

³ Маньчжурия, на территории которого располагается Трехречье, с 1931 по 1945 гг. была оккупирована Японией.

⁴ Мы опираемся на классификацию используемых в коммуникации эмигрантов и их потомков языков, предложенную Е.А. Земской [9. С. 33—34].

У старших родственников в семье использовались родные для них языки: мать и свекровь И.Н. говорили друг с другом по-русски; отчим и свекр — по-китайски.

Таким образом, в интернациональной семье И.Н. говорят на разных языках: *Дома-то говорим: бабушки — по-русски / дедушки по-китайски // А мы говорим когда — смесь // Чуть-чуть не ловко-то / перевернем по-китайски // В таких домах и по-русски / и по-китайски //*

У И.Н. четверо детей. У всех детей китайский язык является первым и основным. По-русски говорят трое из четверых: старшая дочь — Любовь, 1961 г.р., окончила Харбинский институт русского языка, в настоящее время живет и работает в г. Иркутске; вторая дочь — Лина, 1964 г.р., окончила факультет русского языка Хайларского института; младшая дочь — Наталья, 1973 г.р., училась русскому языку в г. Шанхае. Сын — Алексей, 1966 г.р., окончил среднюю школу в г. Лабудалинь, понимает по-русски, но не говорит.

Из четверых внуков И.Н. двое знают китайский и английский (одна из них использует английский язык в профессии), двое — китайский и русский (живут в России).

В 1944 г. отчим И.Н. вместе с женой и приемной дочерью уезжает в Россию. С двух лет И.Н. жила в селе Нерчинский завод в Забайкалье. Там она окончила 4 класса русской школы. В 1955 г. семья вернулась в Китай, где И.Н. продолжила обучение в китайской школе. На момент возвращения в Китай она не говорила по-китайски, не умела читать и писать. Знала только одно слово — 剪子jiǎnzǐ «ножницы», потому что «любила стричь бумагу». После окончания китайской средней школы продолжила изучать русский язык в вузе, прошла курсы русского языка в Пекинском университете иностранных языков. Двадцать пять лет И.Н. преподавала русский язык в школе.

И.Н. может свободно беседовать на русском языке на разные темы: жизнь и быт потомков русских переселенцев в Трехречье, их традиции и обычаи. Значительную часть беседы составили рассказы И.Н. о ее семье, об истории России и Китая, о русском языке, о ее работе учителем русского языка в школе.

Особенности русской речи И.Н. Громовой

Речевое портретирование предполагает анализ говорящей языковой личности на разных уровнях языковой системы. Социально-речевое портретирование показывает корреляцию между языковыми особенностями говорящей личности и социальными факторами, формировавшими ее. Укажем на фонетические, грамматические и лексические особенности русской речи Ирины Николаевны Громовой, потомка русских переселенцев в Трехречье в третьем поколении.

Фонетические особенности

Вокализм

1. Тип предударного вокализма после твердого согласного — аканье: *втаро́й, пато́м, пажилы́е, малады́ми, аднаго́дками, савсе́м, пахо́же, хате́ла,*

поселке. Наряду с этим в некоторых словах наблюдается оканье. Например, в слове «монголка».

2. В первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается иканье — *ипонцы, доизжали, коринной, пирчатках, всигда, пирийдут, симнадацатых, нимножко*.

Консонантизм

1. Выпадение согласного в единичных случаях: *Астралии, в Астралию* (вместо: Австралии, в Австралию).

2. Произношение в некоторых случаях на месте [ш] звука [с]: *вне[с]ностью*.

3. Озвончение глухого согласного звука [с] в позиции между гласными: *ко[з]улю, до[з]ок*.

4. Оглушение звонкого согласного звука [д]: *[т]очка* (вместо: дочка).

5. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке при произношении звука [к]: *к^хто*.

6. Реализация фонемы /ч/ как твердой шипящей аффрикаты [тш]: *но[тши]у, до[тши]а*.

7. Реализация фонемы /ш':/ как твердого долгого [ш:]: *[шиш]упал, е[шиш]о, про[шиш]аются*.

Акцентология

Некоторые слова произносятся с нарушением акцентологической нормы: *губили, в Пекинэ, до Харбинá, ящи, ветошкí, каба́нов, шо́фер, бе́гом, поня́ли, ро́стит, застрéлили*.

На фонетическом уровне в русской речи нашего информанта наблюдается относительно небольшое количество отступлений от фонетических стандартов русского языка по сравнению с речью других потомков русских переселенцев, проживающих в Трехречье. Причиной того, что в целом произношение И.Н. соответствует нормативному, является ее специальное образование, связанное с изучением русского языка, и профессиональная деятельность — работа учителем русского языка. Кроме того, проведенные в детстве в России годы способствовали постановке русского произношения.

Некоторые из представленных выше фонетических особенностей речи И.Н. обусловлены интерференцией под влиянием китайского языка: а) озвончение глухих звуков (п. 3) и оглушение звонких (п. 4) связано с отсутствием в китайском языке фонологических противопоставлений глухих и звонких согласных [25. С. 30], что приводит к их неразличению в русской речи китайцев-билингвов; б) появление придыхательного элемента в речи (п. 5), связанного с противопоставлением придыхательных-непридыхательных согласных в китайском языке [25. С. 40]; в) произношение [ч] как [тш] (п. 6) по типу ближайшего в артикуляционном отношении к русской аффрикате звука китайского языка [26. С. 28]. Однако произношение [ч] как [тш] встречается и в говорах Забайкалья [27. С. 185], поэтому сложно дать однозначный ответ, является ли

описанное явление случаем интерференции, или это диалектная черта, усвоенная И.Н. от русскоговорящих в Трехречье и Забайкалье — носителей забайкальских говоров.

Таким образом, произношение И.Н. формировалось, с одной стороны, под воздействием речевых произносительных привычек носителей русского диалекта, а с другой стороны — под воздействием китайского языка, в среде которого она находилась. Подобная тенденция наблюдается и в речи других потомков русских, рожденных в смешанных браках в Китае как в Трехречье [28. С. 123], так и в других граничащих с Россией регионах Китая [29. С. 16].

Морфологические особенности

1. Наблюдается использование одной падежной формы вместо другой: В. п. используется вместо П. п.: *в школу никогда не шла*; П. п. вместо В. п.: *китайский язык он учил начальную школу*; Р. п. вместо В. п.: *когда я ездила в Иркутска*; В. п. вместо Р. п.: *не было пластмассу*; Р. п. вместо П. п.: *я была отличницей пятого класса*.

2. В некоторых случаях наблюдается несогласованность грамматических форм рода: *на какой собрании*; *была поселок*.

3. При образовании Мн. ч. отмечено использование флексии -ы вместо флексии -а: *стеклы*.

4. Отмечается использование одушевленного местоимения *кого* вместо неодушевленного *что*: *я вам кого отдам*.

5. Местоимения 3 л. 'он', 'она', 'оно' употребляются в косвенных падежах без начального «н»: *на ем, за ем*.

6. Наблюдается использование прилагательного с окончанием -ья вместо -ые: *молодыя*.

7. Зафиксировано употребление в прилагательном суффикса -ов вместо суффикса -ск: *отцовый*.

8. Наблюдается употребление местоимения 3 л. И. п. Ед. ч. в форме: *онé*.

9. Отмечается использование глаголов 1 спряжения в форме 3 л. Мн. ч. с окончанием -ут: *ходят*.

10. Используется возвратный глагольный постфикс -ся на месте -сь: *разъелася, родилася, случилось*.

Синтаксические особенности

1. Отмечается неправильный выбор предлогов: *служил до Амуру*.

2. Употребление предлогов в соответствии с диалектной нормой (*до* вместо *в*): *ездила до Иркутска, до Читы*.

3. В некоторых случаях опускается предлог: (на) *кого-нить наденут шубу, она (из) Благовещенска, потом (в) пятый перешла в среднюю школу, она (до) восемьдесят восьмого года жила*.

4. Предлог «в» используется вместо предлога «на»: *я в первом этаже / в третьем этаже подруга / Нюра живет //*.

5. При построении предложений можно отметить синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка: *А / вот сейчас в Трехречь-то русский язык меньше и меньше стало // Мне так жалко // Я же учительница // Так жалко терять русский язык // Тут все меньше и меньше //*. В китайском языке выделенным конструкциям (меньше и меньше + стало) соответствует конструкция 越来越+ прилагательное для выражения постепенного уменьшения или увеличения интенсивности какого-либо признака.

Проведя анализ морфологических и синтаксических особенностей речи И.Н. можно сделать вывод о том, что в целом речь соответствует грамматической норме русского языка. Отступления от грамматической нормы русского языка объясняются как влиянием диалектной нормы, которую И.Н. усвоила от русскоязычных членов своей семьи, так и интерференцией под влиянием китайского языка. Отмеченные в речи И.Н. диалектные явления (например, форма *онé*, употребление местоимения *кого* вместо *что*) встречаются на территории Восточного Забайкалья РФ [27. С. 184].

Лексические особенности

1. Особенностью лексикона И.Н. является использование устойчивых сочетаний слов: *коренной отец* — для обозначения родного отца по крови, а *родной отец*, воспитавшего ее, она называет отчима.

2. Наблюдаются многочисленные случаи лексической интерференции под влиянием китайского языка. Напр., говоря о доме, И.Н. использует слово «комната». Это происходит потому, что в китайском языке слово 屋子 имеет два значения «комната» и «дом». Другой пример: известно, что в Китае, помимо общих наименований периодов обучения (начальная, средняя, старшая школа), имеются и наименования дополнительных периодов: напр., средняя школа первой ступени (кит. 初级中学 chūjí zhōngxué). И.Н. не знает, как это выразить по-русски, поэтому называет этот период «первая средняя школа».

3. В лексиконе И.Н. отмечаются диалектные слова⁵: *тарочки, наливномушки, церква, нонче*.

4. Зафиксировано частотное использование разговорной лексики: *знаться, увидать, выволочь*.

5. Используется просторечная лексика: *накласть, манатки*.

6. Некоторые слова употребляются в значениях, которые не свойственны для современного русского языка. Так, слово «*кидались*» употребляется в значении «переходили, убегали», слово «*вычистила*» в значении «сделала аборт», слово «*вышла*» — в значении «уехала», «*налапать*» употребляется в значении «написать».

⁵ Отнесенность слов к диалектным, разговорным и просторечным дана на основе данных Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова [30].

Анализ лексикона И.Н. показал, что в ее речи, с одной стороны, частотна диалектная и разговорная лексика: она усвоила ее от русскоговорящих старших членов своей семьи и русскоязычного окружения, представленного носителями русского диалекта. Большое количество разговорных слов демонстрирует использование русского языка преимущественно в бытовом общении. Наряду с этим отмечается знание названий многих реалий современной российской жизни вследствие контактов с детьми и внуками, проживающими в России, поездок в Россию. С нами И.Н. говорила только по-русски: ее словарный состав достаточен для свободной коммуникации. С другой стороны, многочисленны в ее русской речи случаи лексической интерференции под влиянием лексической системы китайского языка.

Письменная речь

И.Н., как мы указывали, читает и пишет по-русски. Это естественно, поскольку она профессионально была связана с русским языком.

Большой исследовательский интерес для изучения русской речи вызывает тетрадь-песенник И.Н., которую она начала вести в 1958 г., несколько лет спустя после возвращения в Россию, и в которую записывала понравившиеся ей русские песни, стихи, частушки, а также кулинарные рецепты, адреса, чтобы *«не забыть русский язык»*. Тексты тетради выступали объектом текстологического анализа в работе А.А. Забияко [22]. Эти тексты представляют большой интерес и для лингвистического анализа, обозначая перспективу дальнейшего исследования. Все тексты записаны на слух, поэтому в них встречается большое количество орфографических ошибок. Напр., *судбе, брадыга, прегожая, песьня, чястушки, тово* (того), *малинька* (маленькая), *строшной, вахли, хорошо на горки жить, на степе, подниматся, растоватся, на горе стоит берез* и др. Однако эти ошибки ценны тем, что по ним можно реконструировать специфические черты русского произношения, свойственные И.Н. как языковой личности и как представительнице русскоговорящего социума в китайском Трехречье со всеми присущими ему диалектными и другими особенностями.

Заключение

Речевое портретирование Ирины Николаевны Громовой, представительницы третьего поколения русских переселенцев в китайское Трехречье, показало, что она сохранила высокий уровень владения русским языком.

На хорошую сохранность русского языка у И.Н. большое влияние оказали факторы экстралингвистического характера: семейный (росла в семье, где домашним языком был русский; с двух до 13 лет жила в российском Забайкалье; имеет родственников, проживающих в России, для которых русский язык постепенно становится первым и основным; возможность посещать Россию), образовательный (изучала русский язык в высшем учебном

заведении), профессиональный (была учителем русского языка и литературы), психологический (высокая мотивация к сохранению русского языка, стремление создавать и поддерживать русский круг общения), хотя в повседневной общественной коммуникации основным языком для нее выступает язык страны проживания — китайский.

Как показали наблюдения, китайский язык также оказал влияние на русский язык И.Н. в виде интерференции на разных уровнях языковой системы: фонетическом, грамматическом, лексическом.

Кроме того, в речи И.Н. проявляются диалектные черты, усвоенные ею от русскоговорящих родственников по материнской линии и окружавших ее потомков исконных носителей русской диалектной речи.

Многие неправильности в русской разговорной речи И.Н. вызваны ситуацией неофициального живого общения, в котором они допустимы и, более того, в большинстве случаев являются нормой разговорной речи, которой И.Н. в совершенстве владеет.

Таким образом, посредством создания социально-речевого портрета языковой личности И.Н. Громовой воспроизведен фрагмент русской языковой действительности в русском восточном зарубежье XX и начала XXI в., демонстрирующий функционирование русского языка вне метрополии как особой формы его существования, на что и указывал в своих работах Ю.Н. Караулов.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Институт русского языка, 1991. С. 4—11.
2. *Караулов Ю.Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5—18.
3. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / под ред. Е.А. Земской. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009.
6. *Оглезнева Е.А.* Язык русского зарубежья как одна из форм существования национального языка (на материале языка восточной ветви русской эмиграции) // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 14—18.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
8. *Земская Е.А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня: сборник статей РАН. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 100—121.
9. *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 25—271.
10. *Бобрик М.А.* Очерк языка семьи // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 278—348.
11. *Старыгина Г.М.* Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2001. № 4. Этнические контакты. С. 263—269.

12. *Оглезнева Е.А.* Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Амурский государственный университет. 2008. № 6. С. 52—74.
13. *Винокур Т.Г.* Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361—370.
14. *Ерофеева Т.И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 90—91.
15. *Земская Е.А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 196—207.
16. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.: Наука, 1995.
17. *Крысин Л.П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 90—106.
18. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2004.
19. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, 2007.
20. Рубеж. Харбин. 1941. № 4.
21. *Забияко А.П., Забияко А.А.* Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2017.
22. *Забияко А.А.* Маргинальные письменные тексты русских Трехречья: частные истории формирования маргинальной этничности // Cuadernos de rusística Española. Гранада: Editorial Universidad de Granada. 2017. № 13. С. 229—242.
23. Эньхэ-Русская национальная волость. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/恩和俄罗斯族民族乡/4113499?fr=aladdin> (дата обращения: 21.07.2020).
24. *Шахматов П.В.* Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014.
25. *Спешнев Н.А.* Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980.
26. *Задоев Т.П., Хуан Шун* Основы китайского языка. Вводный курс. М.: Наука. Восточная литература, 1993.
27. *Игнатович Т.Ю.* Восточнозabayкальские говоры в русском диалектном пространстве // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: Забайкальский государственный университет. 2009. № 6. С. 183—187.
28. *Пустовалов О.В.* Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трехречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 119—130.
29. *Гордеева С.В.* К вопросу о языковой компетенции русских и их потомков в китаезычной среде (на материале речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 16—19.
30. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935—1940 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionaryushakov/articles/44/tot.htm>. (дата обращения 20.09.2020.)

References

1. Karaulov, Yu.N. (1991). On the condition of the Russian language of modernity. *Russian language and modernity. Problems and prospects of the Russian Language Studies*. Moscow: Russian Language Institute. (In Russ.).
2. Karaulov, Yu.N. (1992). About the Russian language abroad. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 6, 5—18. (In Russ.).
3. *Russian Language Abroad* (2001). E.A. Krasilnikova (ed.). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).

4. *Language of the Russian Emigration*. (2001). E.A. Zemskaya (ed.). Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. (In Russ.).
5. Oglezneva, E.A. (2009). *Russian Language in the East Emigration (based on the Russian language in Harbin)* Blagoveshchensk: Amur State University. (In Russ.).
6. Oglezneva, E.A. (2014). The Language of the Russian Emigration as One of the Forms of Existence of the National Language (based on the language of the eastern branch of the Russian emigration). *Asia-Pacific Association of Teachers of Russian Language and Literature Bulletin*, 4, 14—18. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (1987). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Zemskaya, E.A. (2000). Speech Portrait of an Emigrant of the First Wave (on the question of the explanatory power of the theory of natural morphology) In: *Russian language today*. Moscow: Azbukovnik. Vol. 1. pp. 100—121. (In Russ.).
9. Zemskaya, E.A. (2001). General Linguistic Processes and Individual Speech Portraits In: *Language of the Russian Emigration*. Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. pp. 25—271. (In Russ.).
10. Bobrik, M.A. (2001). A Sketch of Speech of One Family. In: *Language of the Russian Emigration*. Moscow, Vienna: Languages of Slavic culture, Vienna Slavic Almanac. pp. 278—348. (In Russ.).
11. Starygina, G.M. (2001). Lingvo-historical Portraits of the Harbinians (based on the speech of Russian emigrants). *Historical experience of the development of the Far East. Blagoveshchensk: Amur State University*, 4, 263—269. (In Russ.).
12. Oglezneva, E.A. (2008). Speech Portrait of Mikhail Mikhailovich Myatov, a Representative of the Russian Diaspora in Harbin. *Slovo: Folklore-dialectological almanac. Blagoveshchensk: Amur State University*, 6, 52—74. (In Russ.).
13. Vinokur, T.G. (1989). Speech Portrait of a Modern Man In: *Man in the system of sciences*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Erofeeva, T.I. (1990). Speech Portrait of the Speaker In: *The language image of the Ural city*. Sverdlovsk: Ural Federal University. pp. 90—91. (In Russ.).
15. Zemskaya, E.A. (2008). Speech Portrait of an Emigrant of the First Wave (Third generation). *Russkiy yazyk v yauchnom osveshchenii*, 1 (15), 100—121. (In Russ.).
16. Kitaigorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1995). *Russian Speech Portrait: Audiochrestomathy*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Krysin, L.P. (2001). Modern Russian Intellectual: an Essay of a Speech Portrait. *Russian Language and Linguistic Theory*, 1, 90—106. (In Russ.).
18. Ablova, N.E. (2004). Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (first half of the 20th century). Moscow: Russkaya panorama. (In Russ.).
19. Ablazhei, N.N. (2007). *From East to East: Russian Emigration in China*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
20. *Rubezh*. Harbin (1941). 4. (In Russ.).
21. Zabiyaiko, A.P. & Zabiyaiko, A.A. (2017). The Trekhrechy Russians. Foundations of Ethnic Identity. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
22. Zabiyaiko, A.A. (2017). Marginal Written Texts of Russians of the Trekhrech'je: the Private History of the Marginalized Ethnicity Forming. *Cuadernos de rusística Española*. Granada: Editorial Universidad de Granada, 13, 229—242. (In Russ.).
23. Enhe-Russian National Rural Municipality. URL: <https://baike.baidu.com/item/恩和俄罗斯族民族乡/4113499?fr=aladdin> (accessed: 21.07.2020). (In Chinese).
24. Shakhmatov, P.V. (2014). *Trekhrech'e. Memories*. Tomsk: Krasnoe znamya. (In Russ.).
25. Speshnev, N.A. (1980). *Phonetics of the Chinese Language*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (In Russ.).

26. Zadoenko, T.P. & Huan, Shuin. (1993). *Fundamentals of the Chinese Language. Introductory course*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.).
27. Ignatovich, T.Yu. (2009). East Transbaikal Dialects in the Russian Dialect Space. *Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects*. Chita: Zabaikalsky State University, 6, 183—187. (In Russ.).
28. Pustovalov, O.V. (2020). Speech Portrait of the Russian Emigrants' Descendants in the Chinese Trekhrechiye (based on the recordings of the oral speech of representative of Russian Eastern migration to China). *Theoretical and Applied Linguistics*. 6 (2), 119—130. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130
29. Gordeeva, S.V. (2012). On Russians' and Their Descendants' Language Competence in Chinese-language Environment (based on speech of descendants of Russian immigrants to border China). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 363, 16—19. (In Russ.).
30. Explanatory Dictionary of the Russian Language, Ushakov D.N. (Ed.): In 4 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1935—1940. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionaryushakov/articles/44/tot.htm>. (accessed 10.03.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Оглезнева Елена Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан, Томский государственный архитектурно-строительный университет; *научные интересы*: социолингвистика, русский язык в восточном зарубежье, русские диалекты, варианты русского национального языка, региональная лингвистика, русско-китайский пиджин, лингвоперсоналогия; *e-mail*: eoglezneva@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-0147-8762; eLibrary SPIN-код: 2544-7839.

Пустовалов Олег Викторович, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; *научные интересы*: русский язык в восточном зарубежье, лингвоперсоналогия, билингвизм, межъязыковая интерференция; *e-mail*: pustovalowol@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8023-3151; eLibrary SPIN-код: 9276-7572.

Information about the authors:

Elena A. Oglezneva, PhD (Advanced Doctorate), Associate Professor, Department of Russian Language and Special Disciplines for Foreign Citizens, Tomsk State University of Architecture and Building; Research interests: Sociolinguistics, Russian language in the Eastern foreign countries, Russian dialects, Variants of Russian national language, Regional linguistics, Russian-Chinese Pidgins, Linguistic personology; *e-mail*: eoglezneva@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-0147-8762; eLibrary SPIN-code: 2544-7839.

Oleg V. Pustovalov, Postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University. Research interests: Russian language in the Eastern foreign countries, Linguistic personology, bilingualism, interlanguage interference; *e-mail*: pustovalowol@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-8023-3151; eLibrary SPIN-code: 9276-7572.